

07

КОСОВО-ВАЛЧКАС
ПРИНЦИПАЛНИ
ОПТИВА
ИВА АЛТАВЪ

1802—1902

КОЛЫВАНСКАЯ

ШЛИФОВАЛЬНАЯ ФАБРИКА

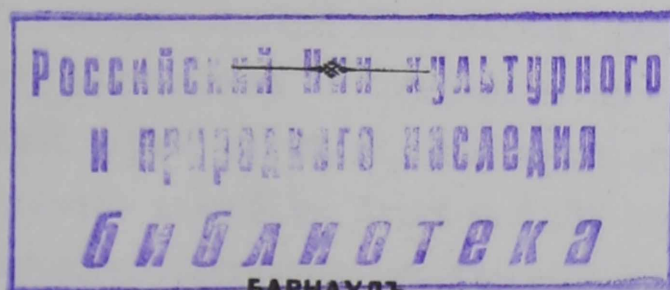
НА АЛТАѢ.

Краткій историческій очеркъ, составленный
нѣ столѣтію фабрики

1802—1902 г.г.

н 26391

Типо-Литографія Главнаго Управленія Алтайскаго округа.
1902 г.

Печатано по распоряженію и. д. Начальника
Алтайскаго округа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ февралѣ 1902 года исполняется сто лѣтъ со времени открытія на Алтаѣ Колыванской шлифовальной фабрики, построенной на рѣчкѣ Бѣлой, Змѣиногорскаго уѣзда Томской губерніи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1728 году былъ основанъ Акинфіемъ Никитичемъ Демидовымъ первый въ Сибири мѣди-плавильный заводъ, давшій впоследствии названіе обширнѣйшему округу Колывано-Воскресенскихъ горныхъ заводовъ (нынѣ Алтайскій округъ).

Опыты по обработкѣ твердыхъ камней начаты были на Алтаѣ еще ранѣе открытія шлифовальной фабрики въ с. Колывани и производились на такъ называвшейся въ то время «шлифовальной мельницѣ» при бывшемъ Локтевскомъ мѣди-плавильномъ заводѣ (нынѣ закрытомъ) на рѣчкѣ Алеѣ, а потому составленному ко дню столѣтія Колыванской фабрики историческому обзору дѣятельности ея предпосланы въ предлагаемомъ очеркѣ, въ видѣ первой его части, нѣкоторыя свѣдѣнія о поискахъ и обработкѣ камней на Алтаѣ до 1802 года. Эта первая часть составлена Архивариусомъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа Н. С. Гуляевымъ; вторая же часть, посвященная краткому описанію столѣтняго существованія собственно самой Колыванской шлифовальной фабрики, принадлежитъ перу Управляющаго нынѣ ею П. А. Ивачева.

ЧАСТЬ I.

Поиски и обдѣлка твердыхъ камней
на Алтаѣ до открытія шлифовальной
фабрики въ с. Колывани.

Часть I.

Поиски и обдѣлка твердыхъ камней на
Алтаѣ до открытія шлифовальной фаб-
рики въ с. Колывани.

 СВОЕОБРАЗНАЯ, живописная природа и богатство Алтайскихъ горъ издавна привлекали вниманіе къ нимъ русскихъ, особенно съ того времени, когда предприимчивымъ Акинфіемъ Никитичемъ Демидовымъ начата была здѣсь разработка мѣдныхъ рудъ. Со времени же взятія Кабинетомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ 1747 году отъ Демидова устроенныхъ имъ трехъ заводовъ: Колыванскаго, Барнаульскаго и Шульбинскаго, интересъ къ этому краю особенно увеличился, такъ какъ продолженная казною разработка мѣдныхъ и серебро-свинцовыхъ рудъ, сопровождаемыхъ золотомъ, обѣщала на первыхъ порахъ широкую будущность развитію горнаго промысла.

Путешественники, посѣщавшіе повѣи горнозаводскій районъ, не могли не замѣчать тѣхъ величественныхъ горъ и причудливыхъ скалъ, которыми переполненъ югъ Алтайскаго округа, хотя, надо полагать, свѣдѣнія о горныхъ породахъ, ихъ составляющихъ, собирались не съ тѣмъ интересомъ, какъ о металлахъ.

Черезъ какихъ нибудь пять лѣтъ послѣ постройки Демидовымъ въ окрестностяхъ Колыванскаго озера на р. Бѣлой перваго завода, предгорія Алтая посѣтилъ и далъ нѣкоторое по-

нятіе о природѣ ихъ Іоганнъ-Георгъ Гмелинъ, одинъ изъ членовъ знаменитаго академическаго путешествія, (начавшагося въ 1733 и оконченнаго въ 1743 году), въ которомъ приняли участіе Гмелинъ, какъ натуралистъ, Герардъ Фридрихъ (или, какъ его называли, Федоръ Ивановичъ) Миллеръ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, Делиль-де-ла-Кроейръ, какъ астрономъ, затѣмъ студентъ Крашенинниковъ и присоединившійся потомъ профессоръ Фишеръ и адъюнктъ Стеллеръ. При экспедиціи кромѣ Крашенинникова были еще четыре студента, четыре землемѣра, переводчикъ, рисовальщикъ, живописецъ и инструментальный ученикъ.

Одновременно съ Гмелинымъ посѣтилъ Колыванскій заводъ вышеупомянутый профессоръ Миллеръ и прожилъ тамъ около 2 мѣсяцевъ. Предполагая въ проплавленныхъ рудахъ присутствіе серебра, онъ получить его однако-жъ не могъ, за неимѣніемъ необходимаго для этого свинца.

Когда въ Петербургѣ узнали о содержаніи золота и серебра въ рудахъ, подвергавшихся обработкѣ на Колывано-Воскресенскомъ Демидова заводѣ на черную мѣдь, на Алтай снаряжена была особая «Коммиссія» для удостовѣренія въ справедливости полученныхъ о томъ донесеній; начальство надъ нею поручено было управлявшему до того времени Тульскими оружейными заводами бригадиру Бэеру. Въ составъ «Коммиссіи» вошли: лейбъ-гвардіи поручикъ Алексѣй Булгаковъ, знающій въ пробирномъ дѣлѣ поручикъ Иванъ Улихъ, служившій у Демидова саксонецъ Юнгъ-Хансъ и у него же служившій, а потомъ бѣжавшій въ Петербургъ для объявленія о рудѣ штейгеръ-мейстеръ Филиппъ Трегеръ.

«Повелѣваемъ вамъ», писала Императрица Елизавета Петровна въ указѣ Бэеру, 2 іюля 1744 г., «на Колывано-Воскресенскихъ Демидова заводахъ какъ серебряную и золотую руду, такъ и прочіе минералы, какіе тамо найдутся могутъ, надлежащимъ образомъ осмотрѣть..... и какъ въ тѣхъ, такъ и

въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ развѣдать можете о какихъ минералахъ, чего еще на свѣтъ не произошло, потомужъ учинить свидѣтельство и пробы и обстоятельныя описи по вашему искусству и благоразсужденію, и тѣ пробы съ собою привезть и объявить Намъ».

Осенью 1744 года Бэеръ съ такимъ порученіемъ прибылъ въ Екатеринбургъ, гдѣ взялъ въ свою «Коммиссію» гранильщика Ивана Опарышева, а затѣмъ отправился далѣе, на Колывано-Воскресенскіе заводы.

20 января 1745 г. Бэеръ прибылъ въ Барнаульскій заводъ, а 24 выѣхалъ на Колыванскій.

Для обнаруженія такихъ сокровищъ, которыхъ, по выраженію указа, «еще на свѣтъ не произошло», Бэеръ употреблялъ разные способы отъ горно-развѣдочныхъ до слѣдственно-полицейскихъ, но, кажется, болѣе рассчитывалъ на указанія заявителей. Такъ, въ особенности заинтересовалъ Бэера заявитель, солдатъ Заливинъ, который, по наслышкѣ, сообщалъ Бэеру: «довольно я слышалъ города Томскаго отъ жителя Ивана Степного, что знаетъ онъ, Степновъ, въ Камню (въ горахъ), въ Караколѣ, такія вещи, чѣмъ стекла рѣжутъ, да и тотъ камень таковъ, что какъ противъ его человекъ станетъ на конѣ, то оной въ томъ камню видится весь». Болѣе просты, но также недостаточны описанія другого заявителя—приписнаго крестьянина деревни Калманки Федора Мальцева, который представилъ нѣсколько камешковъ «съ блистаніемъ», найденныхъ имъ въ горѣ, разстояніемъ отъ рч. Ельцовки, впадающей въ рч. Калманку. Тотъ же Мальцевъ указалъ гранильщику Опарышеву, посланному Бэеромъ, гору разстояніемъ отъ первой съ версту, по теченію рч. Калманки, на лѣвой сторонѣ, «отъ которой съ издалѣ оказывается блистаніе и въ ней камень видомъ съ красна багровый, гладкой, грановитой»; въ горѣ въ вершинахъ Камаринскихъ, отъ деревни Кабановой разстояніемъ верстахъ въ 15, найденъ камень «видомъ черный»;

на правой сторонѣ рч. Калманки, отъ деревни того же имени въ двухъ верстахъ «камень видомъ съ темна свѣтель»; да по Аную рѣкѣ, подѣ Канкараколомъ, по сію сторону Камня — «камень гнѣздышками, признаками свѣтель, который знатно, что разрабатыванъ чудскими народы».

Всѣ эти минералы, указанные заявителями, не удовлетворили гранильщика Опарышева, который аттестовалъ ихъ Бэеру «не самодѣйствительными». Какъ ни курьезны описанія заявителей признаковъ минераловъ, но очевидно одно, что тутъ рѣчь идетъ о тѣхъ разновидностяхъ яшмъ, порфировъ, агатовъ и др., которые послужили впоследствии матеріаломъ для обработки.

Какъ бы ни были малосвѣдущи рудопріицики Бэера въ минералогическихъ опредѣленіяхъ, но съ помощью ихъ онъ всетаки могъ собрать достаточныя данныя для перваго ознакомленія съ характеромъ горныхъ породъ осматрѣнныхъ мѣстностей.

Такимъ образомъ извѣстность яшмъ, порфировъ, агатовъ, кварцевъ и мраморовъ, для обработки которыхъ, при Екатеринѣ II, учреждена была понынѣ дѣйствующая Кольванская шлифовальная фабрика, ведетъ начало съ пріѣзда на Алтай бригадира Бэера и его сотрудника гранильщика Опарышева.

Въ концѣ 1745 г. труды комиссіи Бэера были закончены; съ собраннымъ матеріаломъ Бэеръ уѣхалъ въ Петербургъ, а 26 марта слѣдующаго 1746 г. получилъ указъ изъ Кабинета о запрещеніи, на основаніи его представленія, плавки мѣди приказчикамъ Демидова и о посылкѣ для управленія Кольвано-Воскресенскими заводами нанятаго по контракту саксонскаго уроженца офицера Фрейбергскаго Курфюршества Самуэля Христіани, который прибылъ на заводы въ началѣ августа 1746 г. и управлялъ ими до 1 мая 1747 г., когда

состоялся Высочайший указъ, по которому заводы Демидова окончательно перешли въ казну и командиромъ надъ ними назначенъ тотъ же Андрей Венедиктовичъ Бэеръ. Между прочимъ, въ указѣ этомъ снова повторены слова указа 1744 года о развѣдываніи рудъ и минераловъ, и всего «чего еще на свѣтъ не произошло». Само собою разумѣется, что подъ вліяніемъ такого напоминанія розыски рудъ и минераловъ усилились. Въ послѣдующее время встрѣчается не мало указаній на то, что Алтайскія горы интересовали не одними металлами, въ нихъ содержащимися, и камнями, идущими на украшенія, но и такими камнями, которые не имѣли другаго значенія, кромѣ научнаго. Это доказывается тѣмъ, на примѣръ, что въ 1778 году посланъ былъ на Колывано-Воскресенскіе заводы, а потомъ съ 8 іюля 1779 г. зачисленъ на постоянную службу при нихъ оберъ-гиттенъ-фервальтеръ Реновансъ, бывшій преподаватель Горнаго Училища въ Петербургѣ (нынѣшній Горный Институтъ), извѣстный минералогъ своего времени, у котораго Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА купилъ за 2000 рублей (цѣна очень высокая для того времени) для предполагавшагося въ то время Барнаульскаго Горнаго Училища «минералогическое собраніе въ 2300 штуфовъ». Кабинетъ, отправляя это собраніе минераловъ, прислалъ и наставленіе: «долженъ онъ (Реновансъ) разложить его (т. е. собраніе) по подлежащему порядку, сдѣлать всему точную опись, хранить рачительно подъ своимъ смотрѣніемъ и употреблять съ бережливостью при нужныхъ ученикамъ объясненіяхъ». По инициативѣ Ренованса Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА потребовалъ отъ Бергъ-Коллегіи, чтобы, «собрать на всѣхъ заводахъ штуфы разныхъ рудъ и горныхъ породъ, отослала, купно съ описаніемъ оныхъ, на Колывано-Воскресенскіе заводы, въ соответствии тому, что по равномѣрному ея требованію сообщены ей въ 1778 году тамошніе штуфы».

Въ царствованіе Екатерины II свѣдѣнія объ Алтаѣ расши-

Археологи не даютъ отвѣта на этотъ любопытный техническій вопросъ. Но если вспомнить, что на нѣкоторыхъ островахъ греческаго архипелага, какъ напр. на островѣ Наксосѣ, есть обширное мѣсторожденіе наждака, который по твердости превосходитъ всѣ минералы, за исключеніемъ одного алмаза, то вопросъ рѣшается очень легко. Если люди каменнаго вѣка умѣли выбирать себѣ для инструментовъ самые твердые камни — кремень, нефритъ и проч., то не естественно ли предположить, что финикіяне или египтяне съ давнихъ поръ пользовались наксоскимъ наждакомъ, какъ необходимымъ матеріаломъ при обработкѣ твердыхъ камней. Къ тому же Наксосъ находился какъ разъ въ самомъ центрѣ тогдашняго міра и невозможно предположить, чтобъ его наждакъ, этотъ драгоценный матеріалъ для каменнаго дѣла, ускользнулъ отъ вниманія ловкихъ и изобрѣтательныхъ финикіянъ или даже самихъ египтянъ. Имѣя въ рукахъ такой незамѣнимый матеріалъ, древніе народы поставили искусство обдѣлывать камни сразу на прочную почву. Работа наждакомъ была вѣроятно очень проста: стоило привязать къ палкѣ остроконечный кусокъ наждачнаго камня и инструментъ для обдѣлки гранита готовъ. Всѣ неровности отбивались этимъ инструментомъ очень скоро; если таковой притуплялся со всѣхъ сторонъ, его разбивали на болѣе мелкіе куски, которые снова ущемляли небольшими палочками и получали новые инструменты, годные для выдѣлки уже подробностей изваянія.

Затѣмъ не могли не замѣтить, что если порошкомъ наждака тереть, при помощи пальмовой, костяной или мѣдной палочки, грубо обработанный гранитный камень, то этотъ послѣдній дѣлался все ровнѣе и наконецъ становился гладокъ, какъ стекло. Частички мелкаго наждака при треніи вдавливаются въ обрабатывающій инструментъ и, держась въ немъ нѣкоторое время, царапаютъ камень, снимая съ него высту-

пающія неровности. Такимъ образомъ, если взять большую деревянную доску, положить ее на поверхность камня, который желаютъ выровнять, подсыпать подъ доску наждака и, подливъ немножко воды, начать двигать доску взадъ и впередъ, то будетъ истираться не деревянная доска, а камень. И такъ древнимъ египтянамъ не нужно было имѣть никакихъ твердыхъ металловъ для выдѣлки своихъ сфинксовъ, кромѣ незамѣнимаго наждака съ сосѣдняго острова.

Греческая скульптура, зародившаяся еще въ доисторическую эпоху, не могла бы достигнуть такъ скоро своей высоты, если бы грекамъ не былъ извѣстенъ наждакъ.

Токарные станки для обточки гончарныхъ издѣлій были извѣстны уже въ Египтѣ, поэтому легко себѣ вообразить подобный же станокъ для обточки камней. Отъ колеса, приводимаго въ движеніе ногой, быстро вертится другое маленькое колеско, сдѣланное изъ кости или мѣди; если это послѣднее помазать наждачнымъ порошкомъ съ водой и подложить самый твердый камень, то онъ быстро станетъ истираться.

Греческіе художники, вырѣзывая портреты на своихъ камняхъ, не могли бы дойти до такого совершенства, если бы не имѣли помянутыхъ примитивныхъ машинокъ и наждака.

Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ принципы обработки твердыхъ камней ни сколько не измѣнились и до настоящаго времени остаются одни и тѣже. Трудно придумать другую отрасль искусства, которая оставалась бы такъ долго безъ всякихъ усовершенствованій техники, какъ каменообрабатывающее искусство. Это зависитъ конечно отъ того, что счастливые египтяне и греки попали какъ разъ на такой идеальный матеріалъ, какъ наждакъ, лучше котораго до сихъ поръ ничего не найдено.

Въ древней Индіи твердые каменные вещицы обрабатыва-

лись порошкомъ корунда, но это тотъ же наждакъ, только въ чистомъ видѣ. Алмазный порошокъ, конечно, гораздо продуктивнѣе по работѣ, но за то дороговизна алмаза дѣлаетъ употребленіе его ограниченнымъ.

И такъ современная обработка вещей изъ твердыхъ каменныхъ породъ состоитъ, какъ и 2/3 вѣка тому назадъ, въ слѣдующемъ: камню даютъ требуемую форму обтеской его стальными долотами, а затѣмъ эту грубую, неровную поверхность сглаживаютъ наждачнымъ порошкомъ при помощи свинца, деревянной или мѣдной терки. Глянць или полировку наводятъ самымъ мельчайшимъ наждакомъ или трепломъ, причемъ вмѣсто свинца берутъ олово или мѣдь. Конечно, при развитіи въ нашъ вѣкъ механики, мускульную силу замѣняютъ, гдѣ можно, паровымъ или водянымъ двигателемъ, но отъ этого суть дѣла нисколько не мѣняется. Кромѣ нѣкотораго ускоренія въ работѣ, никакого капитальнаго переворота въ этой отрасли искусства машины не внесли.

Механизмъ Колыванской шлифовальной фабрики устроенъ въ 1801 году по образцу Императорской Петергофской гранильной фабрики. Въ большомъ зданіи имѣется наливное колесо въ 9 арш. діаметромъ и $1\frac{1}{2}$ арш. шириною. Колесо это силою 17 паровыхъ лошадей. Въ колоссальномъ отдѣленіи наливное колесо 6 аршинъ діаметромъ, $1\frac{1}{2}$ арш. шириною, силою 13 паровыхъ лошадей. Отъ наливного колеса движеніе передается помощью зубчатыхъ колесъ различнымъ обрабатывающимъ механизмамъ: пиламъ, теркамъ, шлифовальнымъ кругамъ, рѣзцамъ, полировочнымъ станкамъ и проч.

Первоначально выемка ложекъ или коннелюръ на колоннахъ производилась рѣзками и долотцами, но затѣмъ введены такъ называемые качалочные шкивы, при помощи которыхъ работа пошла правильнѣе и скорѣе.

Съ 1822 года для вырѣзки орнаментовъ и другихъ ук-

рашений введены особыя машинки, изобрѣтенныя на Екатеринбургской фабрикѣ г. Коковинымъ. Съ 1836 года введены большія терки и пилы, получающія движеніе отъ общаго механизма*). Въ 1855 г. деревянные зубчатые колеса замѣнены чугунными шестернями. Въ 1887 г. выписанъ изъ Англіи станокъ съ нѣкоторымъ запасомъ мелкихъ африканскихъ алмазовъ для быстрой рѣзки твердыхъ породъ. Въ 1889 г. придумана особая машинка «вертушка» для шлифованія большихъ поверхностей. Въ 1890 г. старая конструкція пилъ замѣнена болѣе легкимъ и удобнымъ станкомъ. Въ 1891 г. для притиранія узкихъ реберъ большихъ плитъ устроенъ новый приборъ съ шариками. Въ 1896 г. отправляются на Петергофскую фабрику трое мастеровъ для усвоенія лучшихъ способовъ обработки камней и для усовершенствованія въ технику.

Въ послѣдніе годы Кабинетъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА снабдилъ фабрику для нуждъ каменоломенъ двумя желѣзными домкратами, выслалъ двѣ электрическія машины для одновременнаго взрыва нѣсколькихъ шпуровъ, блокъ Вестона для подъема и опусканія камней и готовыхъ вещей и токарный станокъ. Наконецъ въ послѣднее время установлено электрическое освѣщеніе фабрики. Это крупнѣйшій шагъ впередъ въ смыслѣ улучшенія общей постановки дѣла.

Въ опытныхъ мастерахъ Колыванская фабрика почти никогда не испытывала недостатка и безъ всякаго кризиса пережила годы увольненія рабочихъ отъ обязательнаго труда. Правда, въ первые мѣсяцы послѣ увольненія, многіе оста-

*) Въ сороковыхъ годахъ была изобрѣтена при обработкѣ жернововъ крестьянами Паутовыми такъ называемая наставка. Это каменотесное долото, только крупныхъ размѣровъ. Оно укрѣпляется къ одному концу палки, которую держитъ одинъ рабочій, а другой бьетъ по долоту балдой. Отъ такихъ энергичныхъ ударовъ отваливаются излишніе куски болѣе значительной величины и камень гораздо быстрѣе приходитъ къ желаемой формѣ. Это изобрѣтеніе нашло примѣненіе на фабрикѣ, особенно на каменоломняхъ, когда требуется снять болѣе толстый слой камня, что кіюрами и обыкновенными долотами было бы чрезчуръ медленно.

вили фабрику съ цѣлью заняться хлѣбопашествомъ, но, благодаря возвышенной мѣстности с. Кольвани и частому вымерзанію поствовъ, а также по неимѣнію необходимаго инвентаря и надлежащей опытности, новые земледѣльцы всѣ мало по малу вернулись къ фабричнымъ занятіямъ; мечтавшіе жить скотоводствомъ или пасѣкой тоже очень скоро распродали и проѣли свой послѣдній скоть и усердно просили принять ихъ снова въ число фабричныхъ рабочихъ.

Такое возвращеніе рабочихъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ съ очевидною ясностью показало всю неразрывную связь колыванцевъ съ фабрикой и всю ихъ матеріальную зависимость и благополучіе отъ послѣдней.

Не одни фабричные люди живутъ фабрикой—а все селеніе. Одни рубятъ и возятъ бревна, другіе поставляютъ дрова, третьи заготавливаютъ сѣно, жгутъ уголь, дѣлаютъ кирпичи, идутъ на каменоломенные работы, перевозятъ камни, сидятъ деготь, смолу, доставляютъ известь и проч.—словомъ всѣ зарабатываютъ свой хлѣбъ, кто какъ можетъ и исключительно отъ фабрики.

Для приготовленія опытныхъ мастеровъ фабрика имѣетъ рисовальный классъ, устроенный въ 1858 году при заводской школѣ. Сюда поступаютъ болѣе способные изъ окончившихъ въ ней курсъ. Въ этомъ классѣ преподается рисованіе и лѣпка съ орнаментовъ и гипсовыхъ фигуръ и рѣзьба печатей и мелкихъ украшеній на камнѣ. Это послѣднее слово каменодѣльнаго искусства требуетъ особенныхъ способностей и продолжительныхъ трудовъ со стороны учащихся, а потому и начинается съ раннихъ лѣтъ. Для ознакомленія съ фабричными работами мальчики три дня въ недѣлю занимаются на фабрикѣ выдѣлкой самыхъ простыхъ вещицъ, пробоекъ, печатокъ и проч.

Приготовленіе второстепенныхъ мастеровъ идетъ еще и другимъ путемъ. Мальчики 12-ти лѣтъ вступаютъ на работы,

Село Колывань.

Храмъ во имя Воскресенія Христова.

сначала подмазчиками, и затѣмъ постепенно пріучаются къ производству, начиная съ простѣйшихъ работъ. Но до рѣзбы печатей, граненія и пониманія чертежей они не доходятъ. Рабочіе и мастеровые остаются при фабричныхъ работахъ до тѣхъ поръ, пока въ силахъ продолжать ихъ.

Для обезпеченія фабрики плотниками и кузнецами устроенъ въ 1896 году небольшой ремесленный классъ, гдѣ занимаются нѣсколько мальчиковъ подъ руководствомъ хорошаго столяра.

IX.

ДОСТАВКА ВЕЩЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Мелкія каменные вещи Колыванская фабрика съ давнихъ поръ отправляла въ С.-Петербургъ почтою. Что касается издѣлій крупныхъ и средней величины, то отправку ихъ старались всегда приурочить ко времени отправленія съ Алтая каравановъ съ серебромъ или золотомъ. А такъ какъ этихъ каравановъ отправлялось 5 или 6 въ теченіе года и непремѣнно при военномъ конвоѣ и двухъ офицерахъ или чиновникахъ, то сохранность вещей въ дорогѣ была вполнѣ обеспечена.

Когда былъ оконченъ Маріинскій каналъ въ 1831 году, способъ доставки вещей до С.-Петербурга нѣсколько измѣнился: начиная съ Екатеринбурга, караванъ съ издѣліями фабрики отдѣлялся отъ общаго металлическаго и двигался далѣе сплавомъ по р.р. Чусовой, Камѣ и Волгѣ, затѣмъ тащился бурлаками противъ воды и наконецъ по каналу Петра Великаго попадалъ въ Неву.

Трудно судить о томъ, насколько была выгодна подобная транспортировка, такъ какъ расходъ этотъ не касался средствъ Колыванской фабрики; но что вещи путешествовали очень долго, это достоверно извѣстно. Иногда подобный караванъ, отправленный рѣками и каналами, прибывалъ въ С.-Петербургъ только на второй годъ. Были случаи, что баржи, наталкиваясь одна на другую, разбивались и вещи тонули.

Для сдачи вещей въ С.-Петербургъ въ Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и для постановки ихъ на мѣсто, Колыванская фабрика всегда посылала со своимъ караваномъ кого либо изъ мастеровъ. Поэтому изъ старыхъ мастеровъ фабрики почти

всѣ перебивали въ Петербургѣ. Были даже такіе любители путешествія, которые покупали это право у назначенныхъ съ караваномъ товарищей и сумѣли такимъ образомъ побывать въ С.-Петербургѣ разъ 5 въ жизни.

Въ 1807 году одинъ изъ сопровождавшихъ такой транспортъ каменныхъ издѣлій до С.-Петербурга, мастеръ Яковъ Протопоповъ, отправленъ былъ Кабинетомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА даже въ Парижъ съ вазой, подаренной Наполеону I. Тамъ его одѣли во фракъ, въ которомъ Протопоповъ чувствовалъ себя очень скверно. Наполеонъ, любуясь подаркомъ, замѣтилъ и Протопопова. На вопросъ его «что это за человѣкъ?» ему отвѣтили, что это русскій мастеръ, дѣлавшій вазу. «Неужели этотъ медвѣдь можетъ сдѣлать что нибудь изящное?»— сказалъ Наполеонъ. А затѣмъ Протопопова наградили и отправили домой. Явившись въ Колывань, онъ привезъ много французскихъ серебряныхъ монетъ, но еще больше французскихъ словъ, которыми онъ щеголялъ передъ товарищами и часто говорилъ «у насъ въ Парижѣ». Это послѣднее обстоятельство дало поводъ называть ту окраину с. Колывани, гдѣ стояла избушка Протопопова, Парижемъ. Окраина эта въ настоящее время сильно разрослась, но до сихъ поръ носитъ громкое названіе Парижа.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ отправка каменныхъ издѣлій очень упростилась; мастера посылаются въ настоящее время только въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка остается пожелать, въ видахъ поддержанія фабрики на высотѣ основныхъ ея задачъ, чтобы дальнѣйшая ея дѣятельность въ новомъ столѣтіи возможно болѣе соответствовала запасамъ двухъ богатѣйшихъ каменноломенъ—Ревневской и Коргонской. Выдѣлка мелкихъ вещей не должна служить предметомъ ея главныхъ работъ: все

вниманіе должно быть сосредоточено на производствѣ такихъ издѣлій, какъ напримѣръ семиаршинная чаша, хранящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Весь строй фабрики принаровленъ къ выдѣлыванію вещей крупныхъ. Этими произведеніями фабрика составила себѣ имя; это ея исключительная спеціальность, на почвѣ которой ей и надлежитъ продолжать свою работу въ будущемъ.

